

...90-серийный телефильм «Вторая мировая война. Русский взгляд» трех авторов: журналиста Виктора Правдюка в содружестве с Андреем Терещуком и Кириллом Александровым, объявленными историками. Фильм шел по государственному каналу ТВЦ больше года — начался в юбилейном мае, окончился 22 июня. Как понимаете, выбор дат многозначителен. За время вшивой демократии это самая широкомасштабная ее акция о Великой Отечественной войне.

Кто же авторы? Первый из них более всего известен был ранее тем, что в давней программе Ленинградского телевидения «Пятое колесо» долго и увлеченно с «Тихим Доном» в руках топтался на могиле Михаила Шолохова. Сразу недоумение: и у такого-то человека — «русский взгляд»? Двое других соавторов украшением вертограда Господня тоже не стали... По своей сути они мало чем отличаются друг от друга, и каждый истово клянется, что нет для него ничего дороже, чем святая правда, поэтому в дальнейшем для простоты я буду порой всех называть как бы родовым именем — «правдюками».

Что подвигло трех дотоле почти неведомых деятелей на создание столь грандиозной киноэпопеи (ведь это повествование «день за днем» о событиях на всех театрах военных действий Второй мировой!)? Два благороднейших чувства, говорят они: великая любовь к русскому народу и неукротимая ненависть к его врагам, к написанной ими лживой истории России и Отечественной войны. Что ж, прекрасно! (...)

А вот еще и такой довоенный сюжетик: «Когда случилась катастрофа с пароходом „Челюскин“, американцы предлагали использовать свою полярную авиацию на Аляске. Но оказалось, что рядом с пароходом в лед вмерзла баржа с заключенными, и американцы, не дай бог, могли увидеть этот памятник советскому беззаконию».

Ах вот как! Однако же хотелось бы знать, каким образом эта баржа почему-то оказалась в полярных широтах среди льдов, которые большой пароход раздавили, а ее, утлую, не смогли? Как баржу, набитую, конечно же, незаконно осужденными правдюками, занесло туда? Ведь она своего хода не имеет. Куда девался буксир? Что, хотели истребить заключенных? Да ведь существует множество гораздо более простых способов, как и способов гораздо более правдоподобно врать. И наконец, при желании американцы могли, и не спасая челюскинцев, проведать о «памятнике беззакония» и даже сфотографировать его. (...)

А если так уж Правдюку хотелось поведать нам нечто трагическое непременно о барже с невинными жертвами, то мог бы взять сюжет гораздо более близкий и по теме — война, в историю которой он вляпался! — и по времени, и по месту действия — Крым, откуда он родом. Вот: «4 декабря 1943 года на станцию Севастополь прибыли из Керчи три эшелона раненых военнопленных. Загрузив ими баржу водоизмещением в 2,5 тысячи тонн, стоявшую в Южной бухте, немцы подожгли ее... Тысячи человек погибли в огне» (Нюрнбергский процесс. М., 1990. Юридическая литература. Т. 4, с. 118).

Дальше: «На другой день на такую же баржу погрузили 2 тысячи раненых, привезенных из Керчи. Баржа ушла из Севастополя в море, и находившиеся на ней раненые были утоплены» (там же).

Что ж вы, Правдюк, умолчали об этих документально зафиксированных баржах с русскими пленными? Почему предпочли им антисоветскую фантазмагорию? Таков ваш русский взгляд?

Конечно, многие события и факты авторы не знают просто по молодости лет. В самом деле, главному из них всего-то лишь под семьдесят. Что за возраст для мыслителя! Потому и заявляют, например, если начать с частных: известный летчик Борис Сафонов, погибший в 1942 году, был первым в стране дважды Героем Советского Союза (серия 40). Откуда им знать, что еще до войны было несколько дважды Героев: полярник И.Д. Папанин (1937, 1940), генерал-лейтенант авиации В.Я. Смушкевич (1937, 1939), генерал-лейтенант авиации Г.П. Кравченко (обе Звезды получил в 1939).

Был еще Кравченко Андрей Григорьевич, генерал-полковник, тоже дважды Герой, но уже военного времени. О нем упоминается в фильме так: «В многочисленных учебниках истории пишут: „В Умани войска Конева захватили до двухсот исправных „тигров“, „пантер“ и „фердинандов““. На самом деле в марте 1944 года на всех (!) фронтах вермахт потерял только 19 „пантер“, 28 „тигров“ и 3 „фердинанда“. Так у нас до сих пор пишут историю войны», — негодуют правдолюбивые юноши, горя желанием исправить историю.

Какие молодцы, и какой доблестный вермахт! Но непонятно, откуда эти цифры, а главное — почему же немцы при таких небольших потерях в те дни так стремительно драпали, оставляя и Умань, и Жмеринку, и Винницу, и много других городов.

С другой стороны, как говорят, «6-я танковая армия генерала Кравченко с 6 по 10 марта, всего за четыре дня, потеряла 133 танка и САУ из 153», т.е. осталось только 20 боевых машин. Какой растяпа Кравченко! Но здесь еще больше вопросов. Во-первых, что это за танковая армия, в которой только 153 машины? В армиях их число в ту пору доходило до 1000. А тут нет и дивизии, обычно насчитывавшей около 200 машин.

Неприятно огорчать молодых людей, но приходится сообщить, что 6-я армия начала Уманьско-Ботошанскую операцию, о которой они завели речь, имея 562 машины. Но если осталось только 20 танков, то опять же очень интересно, как с такими ничтожными силами генерал Кравченко продолжал стремительное наступление в составе 2-го Украинского фронта, который, разрезав группу армий «Юг» генерал-фельдмаршала Манштейна, разбив 8-ю армию, преодолев шесть рек и пройдя за полтора месяца 200–250 километров, 26 марта 1944 года вышел к госгранице и вступил на территорию Румынии. Между прочим, в числе форсированных рек были Прут и Серет. Мы тогда так и говорили: если русские на Прут, то румын на Серет. Впрочем, тогда уже не только румын.

И наконец, последнее: за что же 6-я танковая вскоре получила звание гвардейской, а сам Кравченко — третью генеральскую звезду на погоны и две Золотые Звезды Героя? (...) Этот сюжетик с 6-й танковой характернейший для фильма: всюду мы несем чудовищные потери, немцы то и дело выходят сухими из воды и крови, а в итоге совершенно непонятно, как же нам удалось загнать их в Берлин и сказать: «А ну, гад, подписывай капитуляцию». И Кейтель, крикнув, подписал.

* * *

Будучи фирменными патриотами, создатели телефильма «Вторая мировая. Русский взгляд» очень много говорят о любви к отечеству. Например, уверяют, что, только когда началась война, «большевики под угрозой нашествия превратились в партию патриотизма» (серия 85) и «сначала вернули армии гвардию, потом все больше и смелее стали говорить о русских полководцах» (серия 35).

Смело! Ну, это они, видимо, так Г.Зюганова интерпретировали. Он однажды сказал: «Сталин вспомнил об истории наших предков и наших славных полководцах, только когда Гитлер подошел к стенам Москвы... В какие-то немислимо короткие сроки были поставлены прекрасные спектакли и фильмы об Александре Невском, Димитрии Донском, о Куликовской битве. Тем самым удалось оживить в народе историческую память».

До этого память, видите ли, была мертва, а когда немцы оказались под Москвой, народ помчался в кинотеатры оживлять ее. Куда же еще! Ведь КПРФ тогда не было. А на самом-то деле Сталин был несколько расторопней, чем думают о нем иные нынешние философы и борцы. Еще 19 июля 1934 года в имевшей, по сути, директивный характер записке для членов Политбюро о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» он дал корректный, но жесткий отпор оскорбительным выдумкам о русской истории.

Что же до фильмов, то «Александр Невский» был поставлен не в немислимой спешке декабря 41-го года, а в 1938 году, «Петр Первый» — еще раньше. А

до этого фильма советские люди зачитывались одноименным романом Алексея Толстого, а также — романами Сергея Бородина «Димитрий Донской», поэмами Константина Симонова «Ледовое побоище» и «Суворов», романом Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», тут появилась и пьеса Владимира Соловьева «Фельдмаршал Кутузов»...

А гвардию вернули армии не «сначала», а в сентябре 1941 года, т.е. после того, как еще в 1935 году вернули маршальское звание, в 1940-м — генеральское, и после того, как во весь голос «заговорили о русских полководцах»...

Но опять же откуда правдюкам все это знать — вы видели их физиономии? Вы можете представить их читающими что-нибудь, кроме Радзинского, Млечина или гонорарной ведомости?

И еще потешаются они над тем, что, мол, Буденный и Тимошенко были кавалеристами (серия 35). Какое-де это ретроградство для Второй мировой войны! Так ведь и Жуков с Рокоссовским тоже кавалеристы, о чем можно бы догадаться по Параду Победы, где оба гарцевали на конях-красавцах, и драгоценный Черчилль окончил кавалерийскую школу, получив звание лейтенанта. И надо бы еще знать, что искусству танковых прорывов немецкий генерал Гудериан учился на опыте буденновской Первой конной. Кавалерия же была в той войне и у нас, и у немцев. (...)

* * *

Но вернемся к нашим персонажам. Из главной, всеохватной их ненависти к коммунистам и Советской власти вытекает их субненависть к советской истории, в том числе к истории Великой Отечественной, т.е. к тому, как они написаны и известны. Почему? А потому, говорят, что писали историю чекисты «и выдали нам такую историю, в которой нет ни капли правды».

Какие чекисты? Вот фундаментальная двенадцатитомная «История Второй мировой войны». Беру 3-й хотя бы том, вышедший в 1974 году. Тут список членов редакционной комиссии: маршал Гречко, генерал армии Штеменко, министр иностранных дел Громыко, академики Румянцев и Нарочницкий, много других известных, авторитетных людей. Конечно, в огромном издании есть и упущения, и ошибки, и другие недостатки, но кто тут чекист, кто истреблял любую каплю правды? Все они, что ли, «десятилетиями кормили народ изощренной ложью»? Да, говорят, они, но и многие другие, например, маршал Жуков — «бездарный полководец, объявленный у нас символом победы» (серия 88).

Конечно, тут сразу хочется кое-что молвить о Г.К. Жукове, предварительно спросив: да неужто он как полководец бездарней, чем правдюки как журналисты? Однако прежде надо прояснить, каково представление наших просветителей о родине, Красной Армии и о вермахте, об их генералитете, закономерно поинтересоваться, что они думают о характере, о самой сути войны, о цели? И тут нас ожидают новые грандиозные открытия.

Мы всегда знали, что это была война за свободу и независимость нашей родины или, как сказал поэт, «ради жизни на земле». Ничего подобного, заявляют эти трое: «Война была, прежде всего, классово-идеологической, в которую коммунисты ввергли наш народ» (серия 64). Красная Армия, объявляют нам, начала войну под знаменами с девизом «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (серия 35).

Это безграмотное вранье людей, которые никогда в жизни не только не ходили под боевыми знаменами своей родины, но и не видели их. Тогда кто же это им внушил — не литературный ли ефрейтор Радзинский? Идеологии, наша и фашистская, были, разумеется, прямо противоположны, но ефрейтор наврал: не было на наших знаменах цитаты из «Манифеста».

Война, говорят они, была до такой степени идеологической, что «перед идеологией военная целесообразность не имела никакого значения» (серия 64). Например, один из правдюков уверяет, что весной 1944 года Крым почему-то не имел никакого военного значения, но немцы отчаянно цеплялись за него. Почему? Только ради того, чтобы сохранить идейно-политический престиж в глазах Турции и Румынии. А мы почему рвались в Крым? Не потому, что хотели скорей освободить еще один советский край и новые тысячи советских людей от фашистского гнета, а опять же исключительно по соображениям идеологического престижа, — чтобы подтвердить слова товарища Сталина: «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять!» (У Сталина — «трудящиеся и большевики»). А Ленинград мы защищали так упорно только потому, что это «колыбель революции», да? Сталинград немцы так бешено стремились захватить лишь по той причине, конечно, что он носил имя нашего вождя и т.д. Боже милосердный, какой вместительный сосуд — человеческая голова! Сколько здрава может в ней поместиться и долгие годы оставаться там в состоянии, всегда готовом после взбалтывания к употреблению.

Но вот на рассвете 22 июня, разорвав два государственных договора с Советским Союзом, фашистские орды вломились на нашу землю и обрушили тысячи бомб на спящие города. Ах, как можно так выражаться! И правдюки предпочитают так: «Части вермахта пересекли советскую границу». Как финишную ленточку. Это совсем недавно слышали мы по телевидению: «Израильские военнослужащие пересекли ливанскую границу...»

Но вот одно из главных правдюковских открытий: «Война против СССР была для Германии поначалу второстепенной военной кампанией на пути к разгрому Англии. Гитлер стремился к уничтожению СССР только как будущего союзника Англии».

Правдюк, сколько же вам все-таки лет? Ведь, кажется, уже скоро семьдесят. Как вам в таком возрасте удалось сохранить трогательную девственность ума? Неужели никогда не слышали, что еще в своей «Майн кампф» в начале 20-х годов Гитлер заявил о намерении добыть Lebensraum (*жизненное пространство*) для Германии прежде всего именно за счет России. А какой Lebensraum можно было добыть в Англии? С другой стороны, И.Фест в трехтомной книге о Гитлере отмечал, что «он неизменно придерживался разработанной в начале 1923 года концепции союза с Англией». А известный немецкий генерал Г. Блюментритт, лично общавшийся с Гитлером, пишет, что тот с восхищением говорил о Британской империи, о необходимости ее существования. А Дюнкерк? Там в июне 1940 года Гитлер имел полную возможность уничтожить 200 с лишним тысяч солдат и офицеров разбитого английского корпуса во Франции, а заодно и тысяч 150 французов с бельгийцами, но он в расчете на веский козырь в мирных переговорах с Англией дал возможность всем им бежать через Ла-Манш на остров. А прямые предложения Англии мира, с которыми Гитлер выступал в рейхстаге? А запись Геббельса в дневнике 9 июля 1940 года: «Вопреки всему (*англичане уже бомбили Германию.* — Авт.), к Англии у фюрера положительное отношение». И там же

9 августа: «Все же враг № 1 в мире — большевики». А перелет Гесса 5 мая 1941 года в Англию за полтора месяца до нападения на Советский Союз — уж это ли не последняя отчаянная попытка поладить с Англией или даже привлечь ее в союзники против СССР! С нами же Гитлер не желал говорить о мире даже тогда, когда мы стояли у ворот Берлина. Мало того, и в своем политическом завещании за несколько часов до смерти фюрерок писал: «И впредь целью немецкого народа должно оставаться завоевание пространства на Востоке» (*И. Фест. Гитлер. М., 2006, с. 588*).

* * *

Эта блаженная троица просто не имеет никакого представления, что такое была война, о которой они больше года точили лясы на глазах миллионов сограждан.

Тут нельзя не вспомнить их размышлизмы и о том, что Япония, когда шла война, запросто могла отхватить у нас Дальний Восток и Сибирь до Омска, но, видите ли,— зачем ей этот Lebensraum? Ведь нефть еще не была открыта, а Стране восходящего солнца (именно так они величают бандитку той поры) нужна была только нефть и ничего больше.

Лютая чушь! Будто Сибирь — это пустыня Сахара. Во-первых, нефть уже давно добывалась на Северном Сахалине, и в 1942 году был проложен нефтепровод Сахалин — Комсомольск-на-Амуре, где построили нефтеперерабатывающий завод. А владивостокский «Дальзавод», изготовлявший боеприпасы? А заводы «Дальдизель», «Дальсельмаш», «Энергомаш», «Амурсталь» в Хабаровске и области? А угольные шахты в Сучане и Артеме? И все это ничуть не интересовало воевавшую Японию, почти не имеющую природных богатств?

А сибирское золото, алмазы, лес, пушнина да, наконец, рабочая сила, просто земля, хотя бы северная половина Сахалина — все это японским войкам тоже было до лампочки? Так чего ж они так настырно лезли к нам в 1904, в 1918, в 1938 и в 1939 годах, когда край был далеко не так возделан и освоен? Примечательно, что возможность отпора японцам этим патриотам даже не приходит в голову. А ведь там стоял в полной боевой готовности Дальневосточный фронт, который хотя и отправил на запад 23 дивизии и 19 бригад, но кое-какие силенки для отпора сохранил.

Правдюки еще и уверяют, что Япония не напала на нас в критический момент войны с Германией не благодаря урокам, полученным ею на Хасане и Халхин-Голе не потому, что Дальневосточный фронт стоял настороже, — нет! В этом, оказывается, «важная роль принадлежит Америке» (серия 83).

Каким образом? А вот: «Когда у Японии запасов нефти осталось на три с половиной месяца, произошло неизбежное (!) — нападение на Перл-Харбор». И много они там получили нефти? «Японский меч вынужден (!) был обратиться против американцев».

Так что японцы были никакие не агрессоры, их вынудили к войне. Кстати, и немцы ни в чем не виноваты, это советское руководство ввергло страну во Вторую мировую (серия 87).

* * *

Да знаете ли вы, говорят нам правдюки, что «война не сразу стала Отечественной»? В таком духе, между прочим, твердит и известный Гав. Попов, их брат

по разуму, в своей недавней книге «Три войны Сталина» (М., Агентство «КРПА Олимп»): война сперва была советской, коммунистической, классовою и только потом стала Отечественной (стр. 5). А в лужковском потешном парадике войну изобразили вообще не имевшей никакого отношения к советской власти, и о роли в ней коммунистов, три миллиона которых сложили голову в боях, — ни слова.

Но организаторы лужковского действия имели неосторожность пригласить на Красную площадь участников того великого Парада, и они сильно подпортили им задуманную благодетельную музычку. Корреспондент спрашивает Ивана Угрюмова: «Проходя по площади, что вы видели? Что вам запомнилось?» И ответил Иван: «Мы видели только Сталина!» — «Да как же так! — суется шустрый журналист. — Ведь шел снег!» — «Как? — сказал Иван. — А ты у него спроси. Ведь он тут лежит, рядом».

Журналиста кинулся к стоявшему возле Василию Михайловичу Лагодину, видимо, надеясь поправить свои тухлые дела, но угодил из огня да в полымя. Дед Василий — в чем душа русская держится — возьми да врежь: «Ко мне лично обращался Сталин с Мавзолея: „На вас смотрит весь мир как на силу, способную сокрушить фашизм!“ Всей армии, всему народу и мне лично он сказал: „Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!“».

Начинающие, но очень перспективные болваны Пивоваров и Якименко с НТВ дружно объявили, что приведенным напутствием «Сталин опрокинул всю советскую идеологию, считавшую перечисленных им полководцев эксплуататорами и врагами трудового народа».

Идиоты! Это они начитались Зюганова. А на самом деле, как я уже говорил, к тому времени об этих полководцах было создано множество советских поэм, романов, фильмов, спектаклей, картин. (...)

* * *

Но вернемся к уверениям правдюков, что война не сразу стала Отечественной. Это почему же? А потому, говорят, что «народ не хотел воевать» (серия 88). Что, мужики не являлись на призывные пункты, сорвали мобилизацию? Ничего похожего: получали повестки, распивали с родными и друзьями пару поллитровок и шли. А сотни тысяч — добровольцами. 36 дивизий народного ополчения влились в Красную Армию. Из них 26 прошли всю войну, а 8 стали гвардейскими.

Да, говорят нам, но многие сдавались в плен. Что ж, это бывает во всех войнах, но вы, читатель, полюбуйтесь: наши у них сотнями тысяч «сдаются в плен» (хотя бы серия 40), а вот 32 тысячи англичан в Тобруке «попали в плен» вместе с огромными запасами оружия, горючего и амуниции (серия 41). И 70 тысяч тех же англичан в Сингапуре, имея против себя лишь 35 тысяч японцев, тоже «попали в плен» к ним, хотя в обоих случаях были все даже формальные черты позорной сдачи: белый флаг, подписание капитуляции и т.д.

Мы не хотели воевать? Предвидя появление и внебрачное размножение правдюков, маршал Рокоссовский, возглавивший в ту начальную пору группу войск, писал: «Мы пополнили полки 38-й дивизии полковника М.Т. Кириллова собранными в дороге людьми. Такого пополнения с каждым днем становилось все больше. Узнав, что в районе Ярцево находятся части, оказывающие сопротивление

немцам, люди сами потянулись к нам. Прибывали целыми подразделениями или группами. Мне представляется важным засвидетельствовать это, как очевидцу и участнику событий. Многие части переживали тяжелые дни. Расчлененные танками и авиацией, они были лишены единого руководства. И все-таки воины этих частей упорно искали возможность объединиться. Они хотели воевать». Правдюки же, конечно, улизнули бы. Вот и судят по себе.

А что касается высокого имени войны, то она получила его буквально через несколько часов после ее начала в выступлении по радио В.М. Молотова: «В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение. То же будет и с Гитлером. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну». И. Сталин в речи по радио 3 июля тоже напомнил нашествие Наполеона, а в конце сказал: «Мы должны поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы грудью защищать свою свободу, свою честь, свою родину в Отечественной войне с германским фашизмом... Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»

А эти ковыряльщики в носу уверяют, что только «после Сталинграда впервые (!) за все время войны появились выраженные оптимистически настроения (!) относительно конечного исхода советско-германского противостояния». Господи, язык-то какой! Две великих державы сошлись в схватке не на жизнь, а на смерть, а у них — «противостояние». Они говорить-то по-русски не умеют! Ни запаха, ни цвета, ни звука русского слова не чувствуют.

И долдонят, что мы поверили в победу лишь в феврале 1943 года, а до этого и думать не смели, сражались неизвестно зачем, время тянули. И вот еще довесок к их уму: «После Сталинградской победы Сталин не скрывал (!) своей уверенности в конечном успехе». А до этого, видите ли, тщательно таил ото всех...

Какими же прощельгами надо быть, чтобы разглагольствовать об Отечественной войне, даже не прочитав два исходных и основополагающих исторических документа о ней, о которых я упомянул.

* * *

По уверениям самих правдюков, они приступили к фильму «Вторая мировая», имея благороднейшую цель «протоптать хоть узенькую тропинку правды в океане советской лжи».

Вы видели тропинку в океане? И тут пора внятно сказать, что ничего русского в их взгляде на войну нет, это взгляд из Берлина, из министерства пропаганды Третьего рейха, о чем свидетельствует прежде всего сам их язык. Мы то и дело слышим такие речи: «В начале войны на востоке (!) генерал Власов командовал 4-м механизированным корпусом»... «В марте 43-го года на Восточном (!) фронте создалось равновесие»... «Война на востоке (!) была жестокой» и т.п.

Разумеется, для немцев это был восточный фронт, война на востоке, поскольку у них был еще и западный. Но для нас это был фронт единственный. А вот вам еще и такое: «3 февраля 1943 года весь мир услышал о Сталинградской катастрофе (!)». Вы только подумайте, для советских людей, для всех, кто боролся против фашизма, это была великая победа, весь мир ликовал, а для мысленно сидящих в гитлеровском Берлине правдюков — катастрофа.

А с каким пафосом, каким высоким слогом да ведь, пожалуй, и с восторгом они сообщают о действительных или мнимых удачах немцев: «Корпус Хауса стер

с лица земли две советские дивизии!» О своих соотечественниках — как о нечисти, получившей то, что она заслуживает...

Много они увидели из Берлина даже такого, чего до них никто не видел. Например, братание советских солдат с гитлеровцами! Это где же? Когда же? С чего? А в Севастополе, говорят. Правдюк, должно быть, сам видел, он оттуда родом.

А уж как нашим солдатам в фашистском плену было распрекрасно, что когда их в ходе наступления наши войска освобождали, то они не хотели этого и бежали обратно в плен. Вот, говорит, «после освобождения Феодосии 8 тысяч наших пленных не поспешили в объятья своих, а организованным маршем двинулись в Симферополь в немецкий плен вторично» (серия 35). Поспешили в объятья Гимmlера. До такого гнусного вранья даже Солженицын не доходил, казалось бы, уж абсолютный чемпион бесстыдства.

Между прочим, в Феодосии находился спецлагерь НКВД № 187, в котором проходили проверку наши освобожденные пленные. В июле — декабре 1944 года их там было 735 человек, и все до одного остались живы (Игорь Пыхалов. Клеветникам России. М., «Нимфа». 2006. С. 357).

Я упоминал о том, как наших пленных расстреливали и топили на баржах в Севастополе, родном Правдюку. Много можно сказать о судьбе советских пленных и еще, но я ограничусь несколькими цитатами.

Жительница Керчи П.Я. Булычева показала: «Я неоднократно была свидетельницей того, как гнали по улице наших военнопленных, а тех, кто из-за ранений или слабости отставал от колонны, немцы пристреливали тут же, на улице. Я несколько раз видела эту страшную картину. Однажды в морозную погоду гнали группу измученных, оборванных, босых людей. Тех, кто пытался поднять куски хлеба, брошенные им горожанами, немцы избивали. Тех, кто под ударами падал, пристреливали» (Нюрнбергский процесс, т. 4. с. 121).

Правдюки, уверяющие, что немецкий плен был чем-то вроде санатория, из которого не хочется уходить, могут, конечно, как, допустим, и Новодворская, сказать: «А кто эта Булычева? Поди, большевичка. Или заставили ее, вот и наплела».

Допустим, большевичка. Но вот что в январе 1942 года заявили более шестидесяти немецких пленных лагеря № 78 в обращении к Красному Кресту по поводу известной ноты наркома иностранных дел В.М. Молотова: «Описанные в ноте жестокости мы считали бы почти невозможными, если сами не были бы свидетелями подобного зверства» (там же, с. 125). Бесстыжие русофобы и на это могут сказать: «Так это ж пленные. Конечно, заставили!»

Да, пленные, но уж, по крайней мере, не большевики. Но вот еще один документ — письмо от 28 февраля 1942 года: «Большевизм должен быть повергнут. Военнопленные должны на собственном опыте убедиться, что национал-социализм хочет и в состоянии обеспечить им лучшее будущее. Они должны вернуться на родину с чувством восхищения и глубокого уважения перед Германией». Все это близко к тому, что проповедуют правдюки.

Но дальше совсем иное: «Поставленная цель пока не достигнута. Напротив, судьба советских военнопленных является трагедией огромного масштаба. Из 3,6 миллиона военнопленных в настоящее время только несколько сотен тысяч являются работоспособными. Большая часть их умерли от голода или погибли из-за суровых климатических условий, тысячи умерли от сыпного тифа. На территории Советского Союза местное население готово доставлять продовольствие пленным. Однако в большинстве случаев начальники лагерей запрещали передавать

пишу и обрекали заключенных на голодную смерть. Во многих случаях, когда пленные не могли на марше идти вследствие истощения, их расстреливали на глазах охваченного ужасом населения, и тела их оставались брошенными». Последние фразы — это почти дословное повторение того, что говорила Булычева.

Наконец: «Во многих лагерях пленные лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструментов, чтобы вырыть ямы или пещеры. Можно было слышать такие высказывания: „Чем больше пленных умрет, тем лучше для нас“. Вследствие этого широко распространился сыпной тиф как в самом вермахте, так и среди гражданского населения на исконных территориях рейха. Так что и германская экономика, и военная промышленность должны страдать из-за ошибок в обращении с пленными. Эти соображения должны дать основу для новой политики по отношению к военнопленным, которая в большей степени соответствует нашим военным и гражданским интересам. Вся пропаганда окажется напрасной, если страх перед пленом больше, чем перед смертью на поле боя» (там же, с. 214–215).

Кто же он, этот шкурный заботник о советских военнопленных как о рабочей силе для немецкой экономики? Удивительное дело! Сам Альфред Розенберг, теоретик расизма, духовный наставник Гитлера, министр по делам оккупированных восточных территорий. И кому же он писал, кого уговаривал, кого пугал эпидемией сыпного тифа? Еще удивительней! Вильгельму Кейтелю, начальнику штаба Верховного командования, правой руке, холую Гитлера, которого военные за глаза звали Лакейтель. Тому самому, который еще 23 июля 1941 года издал по армии приказ, где говорилось, что в России «всякое сопротивление будет караться не по суду, а путем системы террора». И требовал: «Командиры должны выполнять этот приказ путем применения драконовских мер» (там же, с. 77).

Для вас, правдюки, все это новость? А вот это? — «Молодечно. Русский тифозный лагерь военнопленных. 20 тысяч человек обречены на смерть. В других лагерях, расположенных в окрестности, хотя там сыпного тифа и нет, много пленных ежедневно умирает от голода. Лагерь производил жуткое впечатление».

А что скажете о таких, например, делах фашистских бандитов? «Среди казненных и сожженных в крематориях было около 20 тысяч русских военнопленных, привезенных гестапо воинскими эшелонами под охраной».

Это не из выводов советской Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию фашистских злодеяний, не из учебника истории Советского времени, не из фильма «Освобождение», которым вы, разумеется, не верите. Нет, это говорили и писали сами немцы. И какие! Первая цитата — запись от 14 ноября 1941 года в дневнике генерала Франца Гальдера, начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта. Вторая — из показаний 15 апреля 1946 года на Нюрнбергском процессе привлеченного в качестве свидетеля Рудольфа Хесса (не путать с Гессом), который с 1 декабря 1943 года был комендантом Освенцима.

* * *

Так вот, глядя из Берлина на Восточный фронт, эти трое правдюков сгребли все наши ошибки, промахи, трудности, трагические неудачи, поражения, потери, щедро добавили лживых выдумок и — злорадствуют, и глумятся надо всем этим: «Лихой маршал Тимошенко рвался наступать... Словесная активность Тимошенко импонировала Сталину» (серия 38)... «Все советские генералы мечтали ко-

го-нибудь разбить» (серия 35)... «Сталин вознамерился» (серия 60)... «События на фронте должны были остудить воинственный пыл Ставки» (серия 36)... «Гул победы исчез» (серия 47)... «В германском Генштабе смотрели фильм „Разгром немцев под Москвой“. Интересно бы узнать их мнение» (серия 36)... Дескать, как они, должно быть, смеялись, ибо никакого разгрома-то не было и т. п.

Так писал Геббельс, и это понятно: он же был уверен в немецкой победе. Но эти-то хлюсты знают, что да, наши генералы рвались наступать, мечтали разбить, и ведь наступали же до самого Берлина и разбили же,— и все-таки они ерничают, довольно потирают ручки, хихикают, хрюкают.

Красную Армию они именуют феодальной армией азиатской деспотии и презрительно сопоставляют не только с гитлеровской, но и с дореволюционной «императорской армией», и в обоих случаях — к великому позору для нас, советских людей.

Ах, императорская! Разве, например, можно вообразить, чтобы там кто-то кого-то ударил. Ни боже мой!.. Господи, значит, уже выросло поколение, которое не только Станюковича и Куприна, но даже «После бала» Толстого не знает. Ведь там уставные, узаконенные его величеством шпицрутены гуляют по спинам бредущих сквозь строй солдат под их нередки и предсмертные стоны: «Братцы, помилосердствуйте! Братцы!..» А ведь эти писатели в отличие от правдюков служили в императорской, знали ее. Да загляните хотя бы и в «Очерки русской смуты» Деникина. Уж он-то все знал доподлинно.

Деникин пишет не только об узаконенных наказаниях от розог до расстрела, но и о жалком существовании офицерства: «Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства — подполковничий чин и болезненная полуголодная старость».

А еще и такая напасть: «Кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения и было лояльно. Несмотря на это, после японской войны, как следствие первой революции, офицерский корпус был взят под особый надзор департамента полиции, и командирам полков периодически присылались черные списки, трагизм которых заключался в том, что оспаривать „неблагонадежность“ было почти бесполезно» (Очерки русской смуты, гл. 1). Послужить бы этим патриотическим лоботрясам хоть годок в обожаемой «императорской», отведать бы им хоть разок березовой каши.

Но они, напмнив, что некоторые наши генералы действительно поживились за счет трофеев в Германии, продолжают верещать: «Можете ли вы себе представить, чтобы русский генерал, будучи пущен на постой, стащил серебряные ложки, картины, гобелены?» Вот оно что! Они считают, что Красная Армия пришла на постой в Германию. Опять приходится просвещать: мы пришли из разоренной немцами родной земли, где они оставили миллионы убитых наших детей, жен, родителей, где они разграбили все, что только могли — от Янтарной комнаты до чернозема Воронежской области. И наши генералы, уличенные в злоупотреблении, были сурово наказаны, а кто наказал хотя бы похитителя Янтарной комнаты? Он даже неизвестен до сих пор. А ведь ясно же, что генерал. В то же время можно ли представить советского генерала, который после взятия вражеского города разрешил бы солдатам несколько дней грабить его и вытворять что угодно. Увы, среди императорских генералов такое случалось...

Что еще о Красной Армии? А еще говорят, генералы в большинстве бездарны (серия 82), «подготовка комсостава была хуже некуда» (серия 88), «основным критерием (?) краскомов был партийный (!) стаж, холуйство и преданность». Интересно! У немцев — отменные потомственные профессионалы, участники Первой мировой, а у нас — бездарные хуже некуда генералы. А еще, говорят, во время войны у нас было 2952 генерала, а в США только 1065. Позор!.. Да ведь то были совершенно разные войны, умники. На американскую землю не упали ни один снаряд, ни одна бомба, не ступил ни один солдатский сапог. И все потери у них составили что-то около 300 тысяч человек. А у нас?.. Неужто и этого не соображаете?

А 143 генерала, говорят, вообще не имели военного образования. Ну, это вполне возможно: были же генералы и интендантской, и медицинской, и ветеринарной службы — зачем им учиться в Академии Генштаба? Но другие-то... И опять недоумение: вот эти несчастные «хуженекуда» с их тщедушной ложью разнесли профессионалов с их грандиозными достижениями. Сколь велика их слава хуженекудов! Но как это могло произойти?..

Вот список 43 командующих фронтами за время войны: 14 маршалов и 29 генералов. Не тут ли часть разгадки? 34 из них, т.е. почти 80% — окончили академии, 32 — участники Первой мировой, 40 — участники Гражданской и 20, между прочим, владели иностранными языками, хотя кое-кто и не совсем свободно, 7 из них — немецким. А кто из генералов Гитлера знал русский? И добавлю: все были с довоенной поры членами партии, кроме Говорова, который вступил в партию в 1942 году, будучи уже генерал-лейтенантом и командармом.

В феодально-крепостнической Красной Армии, слышим мы еще, начальство безо всякого суда расстреливало кого угодно из подчиненных. Вот однажды «в начале августа 42-го года явился под Сталинград с взводом охраны заместитель Верховного Главнокомандующего Жуков». Во-первых, он тогда не был заместителем Верховного. Во-вторых, никакого взвода охраны, прилетевшего с ним на самолете, у него не могло быть. В-третьих, в те дни Жуков вообще не был под Сталинградом, у него хватало дел на Западном фронте.

«В авиационном полку Жуков, узнав на собрании офицеров, что здесь никто не расстрелян, приказал своему взводу охраны отобрать четырех офицеров и тут же с воспитательной целью расстрелять: вот, мол, как надо действовать согласно сталинскому приказу № 227!».

Но почему сразу четырех ни в чем не виновных? Для воспитательной-то цели хватило бы и одного. Почему офицеров, а не рядовых? Офицеры-то «дороже». И как же отбирали несчастных — по алфавиту? по национальности? по цвету глаз? И что значит «тут же» — прямо на собрании шлепнули и перешли к очередному вопросу повестки дня? А имя хоть одного расстрелянного нельзя ли узнать?

— Нет, в большевицкой феодально-крепостнической армии такие факты немедленно засекречивались.

— Да как же засекретить, если злодейство совершено на глазах множества людей?..

И вот подумайте, кажется, должны бы люди соображать, что если они не знают, когда Жуков стал заместителем Сталина, и других легко доступных для проверки фактов, то кто же им поверит, когда они вещают о делах будто бы «засекреченных», о людях безымянных, о фактах невообразимых,— не соображают! (...)

Но кого же именно из наших военачальников эти умники объявили невежественными и бездарными? Как кого? Ведь уже было сказано — прежде всего, маршала Жукова. Ну а с какой же стати — бездарный? А так, говорят, писал о нем Дэвид Глант в книге «Крупное поражение Жукова». Какой еще Дэвид? Американец, что ли? Да, да! Большого ума человек! Ну, во-первых, не Глант, а Глэнц. А, во-вторых, вот что говорил другой американец, историк Гаррисон Солсбери в книге «Великие битвы маршала Жукова»: «Когда история совершит свой мучительный процесс оценки, когда отсеются зерна истинных достижений от плевел известности, тогда над всеми остальными военачальниками засияет имя этого сурового решительного человека, полководца полководцев в ведении войны массовыми армиями». А еще один американец, тоже Дэвид — Эйзенхауэр говорил: «Я восхищаюсь полководческим дарованием Жукова».

Впрочем, что нам эти американцы, все их Дэвиды и Недэвиды. Вот что писал о Жукове человек, который знал его многие годы, прошел с ним всю войну, вместе работал над планами сражений — маршал А.М. Василевский: «Г.К. Жуков, отличавшийся довольно решительным и жестким характером, решал вопросы смело, брал на себя полностью ответственность за ведение боевых действий; разумеется, он держал связь со Ставкой и нередко подсказывал ей целесообразное решение. К разработке операций Жуков подходил творчески, оригинально определяя способы действий войск. Думаю, не ошибусь, если скажу, что Жуков — одна из наиболее ярких фигур среди полководцев Великой Отечественной войны» (Дело всей жизни. С. 530).

Как же это вы, Правдюк, такой горластый патриот, а мнение какого-то безвестного америкашки предпочли мнению знаменитого русского маршала, одного из самых больших военных авторитетов Второй мировой? Да разве один Василевский из наших? А Рокоссовский! «У Жукова всего было через край — и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах».

С мнением авторитетных людей надо, конечно, считаться, но и своим же умом шевелить надо, если он есть. Ведь Жуков начал военную службу рядовым в Германскую войну, стал унтер-офицером, заработал два Георгиевских креста, в Гражданскую командовал кавалерийским эскадром, потом четыре года — полком, шесть лет — дивизией, а маршалом стал не по должности, как Берия или Булганин, никогда в строю не служившие, а по войне. Словом, без единого пропуска прошел все ступени, все инстанции.

Л. Млечин, наставник правдюков и такой же головоногий, попытался найти хоть один пропуск: «После Халхин-Гола Сталин обласкал полководца, который привез ему (!) победу. (Ведь думать категориями страны эта шкурная публика неспособна.— Авт.) Комкор Жуков получил звание сразу генерала армии, минуя звания командарма 1-го и 2-го ранга (две высших ступени!)».

Олухов не сеют, не жнут — они сами родятся, особенно — в писательско-профессорских семьях, как этот. Из контекста видно, что он считает командарма 2-го ранга выше командарма 1-го ранга, а не наоборот. Его же учили в МГУ, что 2 больше, чем 1, это он благодаря рублям и долларам до сих пор помнит, а значение слова «ранг» (rang — ряд) откуда ему знать. Тем более, как мог он проведать, что 7 мая 1940 года звание командарм было упразднено, а комкору Жукову дали генерала армии 4 июня этого года. Так что тут нет ни «сталинской ласки», ни скачка через две ступени, а закономерное восхождение на следующую.

И смотрите, через какой мощный микроскоп этот дока ищет блох: «В „Красной звезде“ сообщение о присвоении новых званий начиналось с фамилии Жукова». Знать, по особому указанию тирана... Да просто в постановлении правительства о присвоении звания генерала армии было тогда лишь три фамилии, и они, естественно, перечислялись по алфавиту: Жуков, Мерецков, Тюленев. По ал-фа-ви-ту! Вот и весь микроскоп. И ведь такое крохоборство — во всем! Но представьте себе, он еще и умствует в «Литгазете»: «Очень важный аспект — историческая правда. Надо максимально соответствовать сегодняшнему уровню исторической науки». Какая тебе наука! Хоть алфавит-то выучи...

Да, Жуков прошел по службе все ступени. И подумал бы Правдюк, с какой же стати всю Отечественную, даже еще с Халхин-Гола, он был десницей Сталина? Почему именно его Верховный Главнокомандующий, Ставка посылали на самые важные участки фронта в самые решающие дни, в частности, — защищать Москву в момент, когда, по словам самого маршала, «Москву прикрыть было нечем»? Неужели случайно во время войны Жуков и звание маршала получил первым, и орден Суворова № 1, и орден «Победа» № 1, и две Золотых Звезды Героя, уже имея одну? Наконец, да разве спроста ему было поручено и принять капитуляцию Германии, и командовать Парадом Победы?

Ведь это была война, а не антисоветский треп по телевидению, где Правдюка можно заменить Якубовичем, этого — Млечиным, этого — Радзинским, этого — опять Правдюком... Тогда решалась судьба страны, а не ставка гонорара, не сколько серий вам дать для бесстыжого вранья о великой войне. Словом, надо быть редкостным идиотом, чтобы маршала Жукова низводить до своего уровня.

* * *

Ненависть правдюков к Жукову доходит, как сказал поэт, «до стога и до бормотанья». Это вполне естественно для почитателей Власова. Вы только послушайте, до чего доходят: «Его воспоминания — это кровавая книга!» Да так можно назвать любое произведение о войне — от «Илиады» до вашего фильма. А «Полтава» Пушкина?

*Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон...*

А «Бородино» Лермонтова?

*Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел...*

А «Война и мир» Толстого? Есть основание полагать, что никто из этой троицы ни одно из названных произведений не читал.

Но глотки луженые: «Воспоминания Жукова — самая крупная фальсификация истории Советско-германской войны!» (серия 88).

В чем дело, он скрыл наши трагические неудачи в начале войны? Или что немцы доперли до Москвы? Что на другой год прорвались к Волге? Уверял, что нам ничего не стоило разбить их под Сталинградом, на Курской дуге? Что мы с ходу

взяли Берлин? Или вот он цитирует Гальдера, Типпелькирха и других немецких генералов и историков о первых сражениях: «Возможности русских сильно недооценивались... Мы очень надеялись, что после первых крупных военных неудач советское государство рассыплется... Для Гитлера не подлежало ни малейшему сомнению, что для разгрома Советского Союза достаточно одной кампании» ... «Русские отходили на восток очень медленно и часто только после ожесточенных контратак... Командование и войска Красной Армии оказались на высоте требований... Это противник со стальной волей... Не могло быть и речи о том, чтобы быстрыми ударами разрушить картонный домик... Русские держались с неожиданной твердостью и упорством... Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению... Уже в первые дни боев немецкие войска понесли такие тяжелые потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь в Польше и на Западе» и т.д. Так это все Жуков придумал? Ничего подобного немцы не писали?

Не в том дело! Все гораздо страшней и циничней, говорят нам. Жуков бесстыдно уверял, что «прибыл в Ленинград для его спасения 9 сентября 41-го года и спас его».

Вранье. Ни о каком спасении нет у него ни слова. Жуков вспоминает разговор со Сталиным: «Езжайте под Ленинград. Он в крайне тяжелом положении». — «Согласен вылететь немедленно». Только и всего. И на другой день, 10-го, вылетел. А вдогонку 11 сентября полетела директива Ставки:

«1. Освободить Маршала Советского Союза тов. Ворошилова от обязанностей командующего Ленинградским фронтом. 2. Назначить командующим Ленинградским фронтом генерала армии тов. Жукова. 3. Тов. Ворошилову сдать дела фронта, а тов. Жукову принять в течение 24 часов с часа прибытия в Ленинград...

И. Сталин, Б. Шапошников».

А спасен от блокады город был только в январе 1944-го.

Но Жуков на самом деле прибыл в Ленинград 13 сентября, кипятится Правдюк. Это важно! Потому что 12 сентября войска группы «Север» получили приказ Гитлера прекратить штурм Ленинграда и перейти к осаде. Отодвинув день своего прибытия, Жуков придумал легенду о своем спасении Ленинграда.

То есть Правдюк хочет уверить нас, что с 12-го бои под Ленинградом прекратились, все стихло и зачирикали птички. И поэтому Жуков не только не спаситель города, но и вообще не имеет никакого отношения к тому, что город выстоял. Но вот ведь какое диво: Правдюк все-таки признает, что «бездарный полководец» на посту командующего Западным фронтом сыграл выдающуюся роль в обороне Москвы и в разгроме у ее стен немцев. Так почему ж он не мог успешно возглавить оборону Ленинграда?

А главное, все это опять вранье: никакого приказа Гитлера «прекратить штурм» не было (как, вообще-то говоря, не было и самого штурма города, подобно Одессе или Севастополю). 11 сентября начальник Генерального штаба Гальдер записал в дневнике: «Наступление на Ленинград развивается вполне успешно. Большое достижение войск!.. Значительные успехи в борьбе за Ленинград». И остервенелые попытки захватить город продолжались. Жуков совершенно верно писал: «Враг рвался к городу». Действительно, 12 сентября на пути к Ленинграду немцы захватили Красное Село, 13 сентября (уже после правдюковско-гитлеровского «приказа») — Гатчину, Сосновку, Финское Койрово... В этот день, 13-го, Гальдер записал: «Успехи 39-го танкового корпуса Шмидта (того самого, что ранее захватил

Шлиссельбург. — Авт.). Значительное углубление нашего клина на Ленинград». А вечером того же дня добавил: «У Ленинграда значительные успехи. Выход наших войск к внутреннему обводу укреплений может считаться законченным»...

Об этих днях Жуков пишет: «Военный совет фронта ясно понимал, что создано чрезвычайное положение. Было решено ввести в сражение последний фронтовой резерв — 10-ю стрелковую дивизию. Последний!.. Серьезный риск, но другого выхода не было. Утром 14-го 10-я стрелковая совместно с частями других соединений и при поддержке авиации нанесла стремительный удар по врагу. В результате напряженного боя оборона была восстановлена. Понесла большие потери, противник оставил Сосновку и Койрово».

Однако 17 сентября немцы захватили Павловск, 18-го — Пушкин... Бои, бои, бои... «Так продолжалось почти до конца сентября, — вспоминал Жуков. — В последние дни сентября мы не только оборонялись, но уже перешли к активным действиям. Был организован ряд контрударов в районах Колпино, Пушкина, Пулковских высот, и эти действия, видимо, окончательно убедили противника в том, что оборона Ленинграда еще сильна и сломить ее наличными силами не удастся. Немцы, прекратив атаки, перешли к разрушению города с воздуха и артиллерийским огнем».

И все эти дни до 7 октября, не зная сна и отдыха, обороной города руководил Жуков. Но и после его отъезда в Москву положение Ленинграда оставалось очень тяжелым. Так что ни о каком чудодейственном спасении города говорить не приходится, оно пришло гораздо позже. Но... «Я горжусь, — писал Жуков, — что в тот период, когда враг подошел вплотную к городу и над ним нависла смертельная опасность, мне было поручено командовать Ленинградским фронтом».

* * *

Правдюки не унимаются: «Жуков посылал пехотинцев на противотанковые минные поля, чтобы ценой их жизни дать проход танкам!» (серия 81).

Я недавно уже писал: на противотанковом минном поле пехотинец может плясать, ибо такая мина взрывается только при давлении на ее взрыватель 200–250 килограммов. За подтверждением этого можете обратиться к маршалу Язову Д.Т., как сделал я.

И вот странно: очень во многом будучи единомышленниками Геббельса, порой просто повторяя его, правдюки решительно разошлись с учителем в оценке нашего и немецкого генералитета. Прочитав предоставленную немецким Генштабом книгу биографий наших военачальников, среди которых, конечно же, не мог не быть Жуков, всмотревшись в их фотографии, Геббельс за полтора месяца до полного краха Германии и до своей гибели записал в дневнике: «Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической (и, разумеется, как только что видели, и военной. — Авт.) деятельности, являются убежденными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, и на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску. В большинстве своем это дети сапожников, рабочих, мелких крестьян. Короче говоря, я должен сделать вывод, что военные руководители Советского Союза являются выходцами из более ценных народных слоев, чем наши собственные».

Своими соображениями Геббельс поделился с Гитлером, добавив, что у него

сложилось впечатление, что «мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Наш генералитет слишком стар, изжил себя...». Гитлер полностью согласился со всем этим. А мог ли он не согласиться с чисто военным, полководческим превосходством советского генералитета?

Как же теперь называть этих правдюков, если против них не только я, русский коммунист, но и немецкие фашисты?! Да, есть на свете нечто такое, что выше всех политических категорий...

* * *

Не только о Жукове — о многих генералах и маршалах Отечественной войны, ее героях, но также и о предателях мы узнаем из фильма много ошеломительно нового. Хотя бы вот: «Генерал Мерецков был арестован в ночь на 22 июня 1941 года. Бериевские следователи не добились его только по причине разгоревшейся войны» (серия 35). Только! А чем война мешала? Неужто всех следователей призвали в армию? Как же тогда объяснить расстрел генерала Павлова 16 октября 1941 года. А почему не «добили», скажем, Рокоссовского, Горбатова? Ведь время было: их арестовали гораздо раньше, и первый из них сидел два с половиной года.

Так вот, на самом деле К.А. Мерецкова арестовали 24 июля 41-го, но месяца через полтора — об этом в фильме ни слова — он был освобожден с возвращением званий генерала армии, Героя Советского Союза и всех наград. Сперва в качестве представителя Ставки направили его на Северный Кавказ, потом командовал армиями, фронтами, стал маршалом, получил ордена «Победа», Суворова первой степени, пять орденов Ленина к двум довоенным и т. д. Правдюки дотошно и благоговейно перечисляют все кресты, дубовые листья и бриллианты, что получали немецкие генералы и офицеры, но сказать, что наш воин получил орден Ленина или Красного Знамени, у них язык не поворачивается, да и совсем неинтересно им это, их язык совсем для другого.

А когда тот же Рокоссовский стал маршалом? Дату берут с потолка. О Горбатове сообщают, что он в конце войны командовал 3-й Ударной армией (серия 69), воины которой водрузили Знамя Победы над рейхстагом, а мы-то думали, что его командовал генерал Кузнецов В.И.

Или: «С лета 1942 года все стратегические операции создавались (не операции, конечно, а их планы. — Авт.) при участии Василевского» (серия 84). А до этого чем он занимался — в Большом театре пел? Уже с 1 августа 1941 года Василевский был заместителем начальника Генштаба — начальником Оперативного управления, и не мог не принимать участия в планировании всех важных операций. Ну, хоть такие-то вещи надо соображать!

Даже о самом Верховном Главнокомандующем у них отменные фантазии: «В конце войны не имеющий военного образования Сталин получил звание генералиссимуса» (серия 88). Ну как, мол, это можно было дать человеку без красного диплома! Да ведь и не в конце войны дали-то, а даже после Парада Победы. Но они еще и обрядили Сталина — какой, мол, фронт был! — в какой-то особый «мундир генералиссимуса с иголки» (серия 82), коего никто, кроме них, никогда не видел, поскольку его не существовало.

А вот что молодежный хор поет еще об одном известном генерале: «Андрей Андреевич Власов до войны (!) принадлежал к числу самых талантливых генералов». Но что такое талант генерала в мирное время? Дальше: «Венцом пол-

ководческого искусства Власова было командование 20-й армией при обороне Москвы». Вранье. Власов командовал 20-й армией с 30 ноября 1941 года, тогда вторично сформированной, и в оборонительных боях Московской битвы с 30 сентября по 5 декабря она не принимала участия, а только в контрнаступлении.

«Действия 20-й армии до сих пор изучаются в военных академиях без упоминания имени ее командующего, любимого сталинского генерала» (серия 67). Ну, это уж целиком в расчете на идиотов. Во-первых, какой он любимец? Сталин с ним до войны ни разу и не встречался. И в чем выражалась эта любовь? Власов — ваш любимец, а не Сталина. Во-вторых, 20-я армия ничем особым по сравнению с другими армиями, участвовавшими в контрнаступлении, не отличилась. В-третьих, да можно ли это вообразить: в академиях читают лекции о каком-то гениальном полководце и не называют его имени? И никто не хочет узнать имя гения.

Да, да, говорят, имя Власова отовсюду было вычеркнуто, и нам удалось установить его совершенно случайно — по стихам в армейской газете 1941 года, в которых оно упоминается (серия 35). Это совершенно в духе Радзинского, который рассказывает, как он копается в архивах и добывает сведения, давно всем известные. Все, кто интересовался историей Отечественной войны, давно знают имя Власова и историю его предательства. И в литературе оно упоминалось, хотя бы в воспоминаниях маршала Мерецкова «На службе народу», вышедших 35 лет тому назад тиражом в 100 тысяч. Еще раньше писатель Аркадий Васильев (1907–1972) даже роман написал «В час дня, ваше превосходительство», в котором означенный Власов один из главных персонажей. Сперва роман был напечатан в журнале «Москва», выходившем тогда тиражом в 500 тысяч, потом 200 тысяч экземпляров вышли в издательстве «Советский писатель» и где-то еще. Наконец, вот справочник «Кто был кто в Великой Отечественной войне», вышедший в Политиздате более десяти лет тому назад тиражом в 30 тысяч. И там имеется статья о Власове. А мы, говорят, рылись в пожелтевших газетах 65-летней давности. Вот уровень их вранья или профессиональной дремучести!

* * *

И ведь так — весь фильм, все 90 серий. Такой же юный вздор о конкретных событиях войны, об отдельных операциях, обо всем ее ходе. Так, наши юноши то и дело дают неверные даты формирования армий, создания фронтов, проведения боевых операций и т. д. При этом расхождение составляет порой не день-два, а месяцы, а то и год с гаком. Например, говорят, что Херсон освободили 20 декабря 1943 года, а на самом деле — почти через три месяца, 13 марта 1944-го; уверяют, будто в феврале 1943 года более 700 наших самолетов бомбили Хельсинки, а на самом деле тогда и самолетов столько мы не могли послать на это дело, и не до финнов нам было, и добралась наша авиация до их столицы только через год, вскоре после чего они и разлюбили Гитлера, отвернулись от него, выбыли из войны.

И такое вранье или невежество, глумление и злоба — с рассказа о первых же днях и сражениях войны. Вот как Правдюк преподносит героический переход Балтийского флота из Таллина в Кронштадт летом 41-го года: «Адмирал Трибуц потерял в три раза больше кораблей, чем при Цусиме... Три Цусимы! Как трудно было воевать с такими Трибуцами!» В таких случаях следует приводить конкретные данные, а не «разы». Почему их нет? А потому что они разоблачают тупоумного лжеца.

В Цусимском сражении из 30 русских боевых кораблей, которые сопровождали 6 транспортов и 2 госпитальных судна, 20 погибли в бою или в безвыходном положении были потоплены экипажами, 5 кораблей сдались в плен, 3 крейсера ушли на юг, в Манилу, 1 эсминец — в Шанхай, попросту говоря, бежали. Во Владивосток прорвались только крейсер «Алмаз» и два эминца. В плену оказались и командующий эскадрой вице-адмирал Рожественский, и заменивший его после ранения контр-адмирал Небогатов. Что-нибудь похожее было 28–30 августа 41-го года с Балтийским флотом при прорыве из Таллина в Кронштадт? Хоть одно суденышко сдалось в плен? Хоть кто-то удрал в Манилу?

«Прорыв был беспрецедентным по трудности, — вспоминал командующий флотом адмирал В.Ф. Трибуц, возглавлявший прорыв. — Через плотные минные поля под ударами авиации, торпедных катеров и береговой артиллерии врага предстояло провести в Кронштадт около двухсот боевых кораблей, транспортов и судов вспомогательного флота» (Балтийцы сражаются. М., 1985. С. 76). Немцы уже были на южной окраине Таллина. На суда были взяты несколько тысяч бойцов Таллинского гарнизона и гражданского населения.

К 23 часам 27 августа боевые суда вышли на рейд. Он уже простреливался противником. На финском мысе Юминда была установлена 150-миллиметровая батарея. Флаг командующего был поднят на крейсере «Киров», который весь поход оставался главной целью немецкой авиации, но не пострадал.

Из-за резко ухудшившейся погоды (семь баллов!), при которой малые суда идти не могут, пришлось ждать, пока стихнет. Первый конвой начал движение на другой день в 12 часов 18 минут. Отряд главных сил во главе с «Кировым» снялся с якоря около 16 часов. Последним вышел в море арьергард. Колонна протянулась почти на пятнадцать миль. Сразу же начались атаки с воздуха и обстрел с финского берега, появились и мины. Орудиям «Кирова» удалось подавить батарею на мысе Юминда, а мины матросы вручную отталкивали от бортов. Но все же подорвался и затонул транспорт «Элла», самолеты потопили ледокол «Вальдемарс», погибли тральщики «Краб» и «Барометр», подорвался эскадренный миноносец «Гордый»... Но, яростно огрызаясь, колонна продолжала путь сквозь минное поле, шквал огня и кровь.

29 августа подорвался транспорт «Луга». Там было 1226 раненых. Подоспевший на помощь пароход «Скрунда» всех спас. Но вскоре и он вышел из строя, и все-таки раненых опять удалось спасти. «Потери наши в транспортах были велики, — писал Трибуц, — но почти со всех мы сумели эвакуировать личный состав. Самое ценное — люди были спасены». 29 августа в 17 часов авангард колонны во главе с «Кировым» прибыл в Кронштадт. Задача эвакуировать из Таллина войска и прорваться была выполнена.

«Нам удалось вывести из-под удара ядро флота», — заключает Трибуц. Это подтверждает Главнокомандующий адмирал Кузнецов Н.Г. Он подчеркнул, что, несмотря на тяжкие потери, «эвакуацию Таллина следует признать успешной... Боевое ядро флота удалось сохранить... Легко рассуждать теперь. Но Балтийскому флоту удалось в чрезвычайно трудных условиях вывести из осажденного Таллина девять десятых боевых кораблей. Огромной заслугой команд кораблей является спасение людей с гибнущих судов. Благодаря их беспрецедентному героизму из 17 с лишним тысяч человек на тонущих судах или уже в воде более 12 тысяч удалось спасти» (Курсом к победе. М, 1975. С. 67–68).

Что же в итоге исторического сравнения? При Цусиме только трем кораблям

удалось прорваться во Владивосток, эскадра перестала существовать, и это предопределило поражение России в войне, а из Таллина в Кронштадт прорвались 142 корабля — ядро флота! — и понесенные потери хоть были тяжелы и скорбны, но не только на ход войны, а и на действия Балтийского флота не оказали решающего влияния.

Тут надо говорить не о трех Цусимах, а о трех трепачах невыносимых. И ведь какими грязными оскорблениями оплевали эти шелкоперы адмирала, тридцать лет жизни отдавшего советскому флоту, кавалера двух орденов Ушакова и Нахимова 1-й степени. Сами-то они, поди, на брюхе ползли бы из Таллина, да еще неизвестно, в какую сторону.

А что лепечут о Сталинградской битве? «23 августа был Судным днем для защитников города. Немцы совершили более 2 тысяч самолетовылетов». Вы только подумайте: советским людям на их родной земле за грехи их фашистские захватчики учинили Судный день. Олухи или невежды?.. Это мы устроили Судный день фашистам 9 мая 1945 года в Берлине. Дальше: «14 сентября немцы пробили коридор к Волге». На самом деле в этот день ничего подобного не было. «11 ноября немцы едва не достигли Волги». Как раз в этот-то день они прорвались, что было их последним успехом.

О самой Сталинградской победе: «На нашей улице случился (!) праздник». Не случился, миляги, а был предсказан Сталиным и завоеван мужеством и кровью. В другой серии историк-правдюк Александров заявил: «3 февраля 1943 года о сталинградской катастрофе знал весь мир». Это, повторяю, для Берлина была катастрофа, а весь мир узнал тогда о великой советской победе.

* * *

Вообще, когда речь идет об армии немцев, у правдюков голоса дрожат от восторга и умиления. Ну, прежде всего, самого Гитлера они возвышенно именуют не иначе, как «фюрером немецкого народа» и «стойким солдатом». Восхищаются его международным бандитизмом — тем, что он «сказочно быстро» сумел оттяпать Саарскую область, Рейнскую зону, Австрию, Судеты, а потом и всю Чехословакию. О немецких генералах, офицерах, солдатах то и дело слышим: «Талантливейший Манштейн!»... «До самой смерти девизом Руделя были слова: „Погибает тот, кто сдается!“»... Еще и охотно цитируют спятившего штабного генерала: «Конечно, один немецкий солдат может убить десять русских» (серия 43).

И дальше: «6 армия генерал-полковника Паулюса уверенно шла к Сталинграду, а части наших 51, 62-й и 64-й армий на некоторых участках бросали позиции при появлении едва ли не разведдивизов врага»... «Второе лето подряд немецкие войска шли на восток по 50–60 километров в сутки»... Хайль Гитлер!

Лихо! Действительно, первое лето они шли, шли, шли... Солженицын, служивший тогда в тылу на конюшне, уверяет, что шли даже в два раза быстрее — по 120 км. И куда пришли, к чему спешили? К разгрому под Москвой. И второе лето шли, шли, шли... И куда пришли? К разгрому под Сталинградом. И в третье лето на Курской дуге опять пошли. Прошли 5 километров, прошли 10, прошли даже 35... И куда пришли? Да все туда же — к разгрому.

Правдюки это не отрицают, но просят нас принять во внимание извинительные обстоятельства. Первое: «У немцев не было в войне настоящих союзников» (серия 48). Второе: «Германия воевала едва ли не со всем миром» (серия 42). Тре-

ть: «Свою роль сыграло большое пространство. Любая армия, пройдя с боями до предгорий Кавказа, потеряла бы не менее половины своих ударных качеств, техники и людей» (серия 42). Наконец, русским всегда помогали морозы, распутица и советские мыши (серия 47).

Право, почти ничего подобного мы раньше не слыхивали. Тут удивительно все, начиная со слов о боях на пути к Сталинграду. Какие бои, если только что сказано, что проходили по 50–60 километров в сутки, а наши войска бежали при появлении вражеской разведки?

Однако все по порядку. У немцев не было союзников? А хотя бы румыны, которые доперли с ними до Сталинграда? А венгры, которых только в плену у нас оказалось 513 767 человек. И австрийцев — 156 682, чехов и словаков — 69 977, поляков — 60 280, итальянцев — 48 957, французов — 23 136, даже евреев — 10 173.

Это, повторяю, только пленные. А сколько погибли в боях, сколько были ранены и отправлены в тыл? По данным Военно-исторического журнала № 9'90, откуда взяты эти цифры, в плену у нас оказались солдаты, офицеры и генералы 24 национальностей. Так что, если войну 1812 года мы называем нашествием двенадцати языков, то это — дважды двенадцати.

Но такова лишь одна сторона дела. А с другой стороны, разве экономика почти всей Европы, в том числе военная промышленность, работавшая всю войну на Германию, не была ее самым настоящим союзником? Разве миллионы рабов, привезенные из СССР и других оккупированных стран Европы, не были хоть и подневольными, но, по сути, союзниками Германии?

Второе: немцы воевали со всем миром? Так уж и со всем! Какой урон им нанесли китайцы? Какой их город бомбили бразильцы? Когда вошли в Берлин аргентинцы? Это опять-таки с одной стороны, а с другой — ведь немцы, действуя отнюдь не в одиночестве, душили свои жертвы поодиночке: Чехословакия, Польша, Франция... Надеялись и нас удушить так же. Но Сталин облапошил Гитлера. Кроме того, а кто виноват, что немцев и их фюреров возненавидели во всем мире?

Третье: еще и большие русские пространства виноваты? А что, все эти хваленые вами Манштейны, Гальдеры, Гудерианы не знали о них? Думали, что СССР это вроде Бельгии? Или Дании, при оккупации которой они потеряли одного солдата? Какие же они стратеги, полководцы? И чего стоят полоумные восторги по их адресу?

Ну, о морозах и распутицах, всегда спасительных для нас и всегда губительных для наших врагов, по причине полной нелепости разговора я промолчу, но вот интересно, как помогли Красной Армии советские мыши? И тут мы узнаем величайшую новость. Оказывается, в решающий момент Сталинградской битвы немцы не могли двинуть вперед свои замечательные танки, ибо мыши перегрызли в танках электропроводку. И это решило исход сражения.

Бедненькие фрицы! Ну все было против них в России: и просторы, и морозы, и распутица, и даже беспартийные, но ужасно патриотичные мыши! И только правдюки запоздало льют о немцах слезы...

* * *

Правдюки крайне возмущены тем, что у нас до сих пор в ходу такие речения о немцах во время войны, как «захватчики», «фашисты», «гитлеровцы»... Фи, ка-

кая невоспитанность! Какая несправедливость! А где же политкорректность? Это просто «военнослужащие германской армии», временно оказавшиеся на чужой территории, и только. И не смейте, мол, забывать, что «единство вермахта определялось социальными достижениями фюрера, которые в отличие от советской лжи были бесспорны».

Тут же и образцы мужества, благородства и рыцарства фашистов. Вот, скажем, немцы похоронили с воинскими почестями генерал-лейтенанта Ефремова М.Г., командарма-33, члена ВКП(б) с 1919 года, смертельно раненного в апреле 1942 года при прорыве из окружения под Вязьмой. Прекрасно! Словно кто-то же из них был на этих пышных похоронах? В Вязьме воздвигнут памятник Михаилу Григорьевичу. Не Геббельс ли заказал его Вучетичу?

И опять навязчивое недоумение: как же это мы с нашей жалкой ложью, серостью, небритостью разнесли в пух и прах благородных и гладко выбритых с их великими достижениями? Может быть, ликвидация нищеты, безработицы и неграмотности, преобразование страны из лапотной в индустриальную, приобщение миллионов простонародья к высотам культуры, науки, государственной власти и тому подобные дела, — может, все это было ложью только на языке у Геббельса да в ваших, правдюки, беззащитно мягких головах?

И не знают эти головы удержу в прославлении вермахта и «прекрасного немецкого солдата, который, даже замерзая под Москвой, стойко оборонял свои позиции». Правильно. Будучи отброшен километров на 100–250, наконец, набрался стойкости, которой хватило на некоторое время. А вот в Сталинграде, на Курской дуге, в Белоруссии и дальше аж до самого рейхстага, увы, стойкости не хватило. С другой стороны, наша-то стойкость под Москвой, и под Сталинградом, и на Курской крепче оказалась. Неужто не слышали?

А какая демократия царила в вермахте! — продолжают песнопения телеисторика. Вот, говорят, генерал Гудериан пытался убедить Гитлера, что жертвы под Москвой бессмысленны, надо отступить. «Вы можете ли представить себе, чтобы Жуков убеждал Сталина, что жертвы бессмысленны. Такого разговора в Кремле никогда не могло быть».

Эти слова избобличают правдюков в том, что они даже воспоминания Жукова не читали, ибо там такие разговоры встречаются неоднократно, например, Жуков говорит Сталину, что, дабы сберечь силы, «Киев придется оставить». Там же, кстати, они могли прочитать: «Стиль работы Ставки был, как правило, деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. И.В. Сталин ко всем обращался одинаково строго и довольно официально. Он умел слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Я убедился за долгие годы войны, Сталин вовсе не был человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было спорить, даже твердо отстаивать свою точку зрения». Скажите, правдюки, спасибо за эту почти сорокалетней свежести новость, которую бескорыстно дарю вам...

Ну, а хоть когда-нибудь немцы все-таки драпали от Красной Армии? Нет, утверждают правдюки, «вермахт выравнивал линию фронта и сокращал ее». Именно так говорил Геббельс в 1943 году и позже... А эти трое даже превосходят учителя. У них не поворачивается язык сказать, допустим, «Манштейн получил под зад» или хотя бы «разбит и отброшен», они говорят как гоголевские дамы, приятные во всех отношениях: «Богиня победы Ника оставила Манштейна...» (серия 78). Они не смеют сказать, что немцы прозевали вторжение союзников во

Францию, они воркуют: «Какой-то странный паралич охватил немецкое командование, странное безволие» (серия 67). А в наших неудачах и промахах ничего странного не видят. Наоборот! Тут для них закономерное, неизбежное следствие советского строя. (...)

* * *

И в заключение вот о чем. Наши власти во главе с президентом неутомимо ищут ксенофобов и разжигателей межнациональной вражды. Ищут всюду — среди хулиганов, бомжей, в метро, в подворотнях. А тут по государственному каналу шайка прохвостов больше года только и делает, что разжигает эту вражду по самому чувствительному вопросу, и все молчат — президент, министр обороны, министр культуры, министр иностранных дел...

Пока они будут молчать, я, как русский человек, сын царского офицера и коммунист-фронтовик Отечественной, от лица родного мне Третьего Белорусского фронта, которым командовали поочередно украинец Черняховский, русак Василевский и армянин Баграмян, скажу вам, Правдюк: ничего русского в тебе не было, нет и не будет, мягко выражаясь, подонок ты и провокатор.